ДИСКУССИИ

ТИПЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ: КРИТИКА ПОДХОДОВ

А.А. ФЁДОРОВ
Новосибирский государственный университет

Проведен критический анализ концепций, предполагающих выделение различных «типов научной рациональности» в психологии. Показано, что выделенные В.С. Стёпиным критерии различения классической, неклассической и постнеклассической рациональности не подходят для описания развития психологической науки. Во-первых, в ней всегда изучались сложные системы. Во-вторых, в психологии отсутствуют три этапа смены идеалов и норм исследования. В-третьих, поле рефлексии психологии всегда включало не только объект, но также средства познания и субъекта. Выделение четырех типов рациональности в соответствии с научными революциями в психологии также не работает: (а) оно не соответствует критериям, которые предлагает сам В.С. Стёпин; (б) не ясно, какое отношение научные революции имеют к психологической науке; (в) отсутствует консенсус по поводу того, сколько вообще таких научных революций происходило. Модификация исходной модели, предполагающая выделение гуманитарной рациональности путем замещения объекта в научной схеме В.С. Стёпина «другим субъектом», ставит под удар научность получаемой таким образом рациональности и не улучшает соответствия модели историческим фактам. Трехчленная схема «тезис – антитезис – синтез» («синкрет – дифференциация – синтез») также не позволяет отразить реальное развитие психологии в целом и психологических школ в частности.

Выделены общие проблемы подобных интерпретаций, связанные с намеренным упрощением психологических теорий прошлого и игнорированием вопроса научности отдельных психологических школ.

В заключении высказывается предположение, что идея типов рациональности и их эволюции плохо подходит для описания развития науки, а постнеклассическая психология представляет собой псевдонаучный и контрреволюционный проект, возвращающий психологию в объятия идеалистической философии.

Ключевые слова: типы научной рациональности, философия науки, история психологии, научная революция, классика, неклассика, постнеклассика.

Довольно часто в современных отечественных публикациях, посвященных методологии и теории психологии, можно встретить утверждение, что современная психология является постнеклассической наукой (Гусельцева, 2013б; Зинченко, 2014; Клочко, 2008; Шадрин, 2014). Ранее уже было показано, что это не подтверждается наукометрическими данными: доля публикаций, индексированных в Scopus и открыто связывающих себя с постнеклассической психологией, исчезающе мала (Фёдоров, 2018а). Методологические рассуждения о постнеклассицизме науки вообще и психологии в частности являются феноменом русскоязычной академической жизни и не находят отклика в зарубежных научных публикациях[1].

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00715.

[1] Отдельного изучения заслуживает вопрос, корректно ли относить определенные зарубежные течения к постнеклассике. Так, к «постнеклассической рациональности» часто относят постмодернистскую психологию, хотя даже само словообразование последней подразумевает выделение двух, а не трех этапов развития (не говоря уже о том, может ли постмодернистская психология считаться наукой, а не, скажем, разновидностью литературы,

В настоящей статье я постараюсь показать, что существующие концепции, предполагающие выделение различных *типов научной рациональности*, не подходят для описания развития психологической науки.

В психологической литературе можно обозначить два основных подхода к выделению типов рациональности. Первый связан с теорией В.С. Стёпина (2006) и имеет несколько производных концепций, в которых количество типов научной рациональности увеличено с трех до четырех (Никитич, 2008; Патяева, 2018; Шадрин, 2014). Второй подход разрабатывается М.С. Гусельцевой: в нем типы рациональности В.С. Стёпина работают «по принципу метафорического конструкта», а в основе лежит модель развития «синкрет – дифференциация – синтез» / «тезис – антитезис – синтез» (Гусельцева, 2013б, 2014).

ИСХОДНАЯ МОДЕЛЬ

Несомненным достоинством концепции В.С. Стёпина является то, что в ней ясно определены критерии различения классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Ими выступают: «1) особенности системной организации объектов, осваиваемых наукой (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы...); 2) присущая каждому типу рациональности система идеалов и норм исследования...; 3) специфика философско-методологической рефлексии над познавательной деятельностью» (Стёпин, 2015, с. 11). Прежде чем проанализировать эти критерии применительно к психологии, стоит отметить, что эта модель была получена на основе анализа развития естествознания и представители других наук не раз высказывали сомнения, что она применима к их областям знания. Так, Е.В. Тимошина прямо указывает, что «выделение в теории права еще одного этапа – так называемой постнеклассики, в свое время заимствованной из концептуальной схемы В.С. Стёпина, видится избыточным» (Тимошина, 2016, с. 219). В.А. Мазилов, отмечая отличие психологии от естествознания, пишет, что «применительно к психологии данная модель эффективно не работает» (Мазилов, 2017, с. 31)[2].

Итак, учитывая вышеуказанные критерии, корректность работы данной модели по отношению к психологии требует, чтобы в ней наблюдались: 1) смена объектов изучения от простых к сложным; 2) смена идеалов и норм исследования; 3) расширение поля рефлексии над познавательной деятельностью. Можно показать, что ни один из этих критериев тут не работает.

Во-первых, психология, какую бы точку на исторической линии мы ни взяли за дату ее рождения, всегда изучала то, что сейчас принято относить к «сложным саморазвивающимся системам». Это признает и Е.Ю. Патяева, развивающая концепцию В.С. Стёпина: «Как бы ни трактовался предмет психологии, объектом ее изучения с самого начала выступает человек и “человекоразмерные” системы» (Патяева, 2018, с. 177). Возьмем, к примеру, В. Вундта,

---

и вообще о сложных отношениях постмодернизма и рациональности (Хабермас, 2003)).

[2] Не будем здесь отдельно останавливаться на том, насколько эта модель корректна применительно к самому естествознанию, поскольку данный вопрос выходит за рамки статьи. Отметим только, что, например, по мнению В.А. Мазилова, «нет ни малейших сомнений в том, что она прекрасно описывает ситуацию в физике и других естественных науках» (Мазилов, 2017, с. 28), а Е.В. Тимошина пишет, что позиция Стёпина «даже в качестве концептуализации истории и современного состояния естествознания не стала общепризнанной» (Тимошина, 2016, с. 220). Я склонен тут солидаризироваться с последней точкой зрения: как я указывал ранее, несмотря на существование англоязычных переводов работ В.С. Стёпина, широкого распространения его концепция в зарубежной философии науки не получила (Фёдоров, 2014а).

которого часто называют «отцом научной психологии» (хотя с этой оценкой и можно спорить). Его концепцию М.С. Гусельцева относит к так называемой парадигме сознания и пишет, что она представляет собой «классическую науку (классический тип рациональности)» (Гусельцева, 2013б, с. 122). Однако при этом одним из основополагающих понятий его системы, являющейся волюнтаристской, выступает апперцепция, представляющая собой активный и сложный процесс (Вундт, 1896). По этой причине Д.П. Шульц и С.Э. Шульц пишут, что «главное внимание Вундт сосредоточил на способности разума к самоорганизации» (Schultz, Schultz, 2015, p. 69)[3]. Немецкий психолог Й. Фаренберг выделяет в доктрине В. Вундта пять принципов, один из которых он называет принципом *самоорганизации* и *саморазвития* (Fahrenberg, 2013). В. Вундт в этом отношении не являлся исключением. Идеи самоорганизации и саморазвития присутствовали в психологии с момента ее рождения. Так, в своем анализе развития идеи самоорганизации в XVIII столетии Дж. Шихан и Д. Уормэн отмечают, что «науки о разуме с самого начала говорили на языке самоорганизации» (Sheehan, Wahrman, 2015, p. 191). Таким образом, нельзя утверждать, что в какой-то момент психология изучала простые системы, потом перешла к сложным саморегулирующимся и, наконец, к сложным саморазвивающимся.

Во-вторых, в психологии нельзя выделить аналогичные естествознанию три этапа смены идеалов и норм исследования. Скорее, можно говорить о том, что они сосуществуют друг с другом; при этом возникающие новые нормы исследования не вытесняют старые и не ограничивают сферу их действия (так, В.С. Стёпин описывает взаимоотношение типов рациональности в естественных науках), а конкурируют с ними. Те нормы и идеалы, которые возникают в неклассической и постнеклассической науке, можно найти в различных психологических концепциях XIX в. (и даже более ранних времен). Не случайно сам В.С. Стёпин признает, что «многие методологические идеи наук о духе (в частности, идеи В. Дильтея) предваряли развиваемую в современную эпоху методологию постнеклассической рациональности» (Стёпин, 2015, с. 23).

В-третьих, поле рефлексии психологии всегда включало не только объект, но также средства познания и субъекта. Возьмем, к примеру, следующие слова В. Вундта о том, что само «“намерение наблюдать” существенно видоизменяет наблюдаемые факты или же совершенно устраняет их из поля наблюдения» (Вундт, 1896, с. 13–14). Вполне «неклассическое» рассуждение. Включение в систему знания аксиологических установок познающего субъекта также можно найти в работах различных психологов прошлого. Вот что, к примеру, писал Г. Мюнстерберг в конце XIX в.: «Искатель истины – это не рудокоп, вгрызающийся в плоть реальности, пока по счастливой случайности не наткнется своей лопатой на кусок золота, который покоился там на протяжении вечности. Искатель истины творит, подобно скульптору, который берет бесценную плоть реальности, чтобы своими руками трансформировать ее в драгоценную пластичную скульптуру, которая находится в гармонии с его идеалами» (Münsterberg, 1899, p. 28). А это уже вполне «постнеклассическое» рассуждение, притом отнюдь не случайное: психологическая система Г. Мюнстерберга обладает многими характеристиками «постнеклассической» науки (Фёдоров, 2018б).

Таким образом, нельзя говорить, что в психологической науке наблюдается «эволюция типов научной рациональности»,

[3] В этом месте стоит отметить, что в русском переводе ошибочно говорится о способности *мозга* к самоорганизации (Шульц, Шульц, 2002), хотя в оригинале используется понятие «*mind*». Там же «*atoms of the mind*» переведены как «атомы мозга», что вряд ли можно считать корректным в контексте теории В. Вундта.

эти «типы» в психологии всегда сосуществовали. Если при анализе естествознания эволюция «типов рациональности» рассматривается как движение вперед[4], то в случае психологии подобное утверждение будет некорректным. Почему смена «классической физики» «неклассической» оказалась успешной? Вероятно, потому что новые модели оказались эффективнее прежних. Может ли такое рассуждение использоваться в психологии? Нет. Если бы «неклассическая» или «постнеклассическая психология» были очевидно эффективны, то это привело бы к явному доминированию в психологии концепций, подобных концепциям, скажем, В. Дильтея или Г. Мюнстерберга. В некотором смысле, на мой взгляд, можно утверждать, что современная «постнеклассическая психология», особенно в ее постмодернистском варианте, представляет собой регрессивное (и даже псевдонаучное) явление.

Стоит отметить и явные «внешние» отличия линий развития естествознания и психологии. Приведу только одно: смена «типов рациональности» в естествознании сопровождается явным усложнением математического аппарата. Скажем, математические модели И. Ньютона проще математических моделей представителей квантовой физики. Вероятно, можно было бы ожидать, что и внутри психологии переход к изучению «более сложных» объектов будет сопровождаться ростом сложности используемой математики. Однако в действительности мы наблюдаем совершенно обратную картину: постнеклассическая психология (особенно в постмодернистском варианте) практически демонстративно «разрывает» отношения с математикой и квантитативными методами. Заимствование некоторой терминологии из «постнеклассических» областей естествознания не выходит, по сути, за рамки того, что Дж. Смит называет технотрепом (Смит, 2011). Злоупотребления физико-математическими понятиями в постмодернизме (одном из «методологических китов», по выражению М.С. Гусельцевой, постнеклассического развития психологии) проанализированы в блестящей работе А. Сокала и Дж. Брикмона (2002). Синергетика, которую В.С. Стёпин рассматривает как одну из важнейших экземплификаций постнеклассической рациональности, проникая в психологию, обретает черты псевдонауки[5].

Применение схемы В.С. Стёпина (обозначенной здесь как «исходная модель») оказывается бессмысленным, поскольку развитие психологии в целом ей не соответствует. Также не ясно, что может дать анализ отдельных психологических концепций в контексте «типа рациональности», поскольку большинство из них (учитывая специфику предмета) придется признать «смешанными», а также по той причине, что линия «классика-неклассика-постнеклассика» в психологии не является эволюционной.

НАУЧНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

В качестве еще одного критерия, на основании которого выделяются «типы научной рациональности», могут также выступать так называемые научные революции. Как указывает В.С. Стёпин, «становление каждого нового типа рациональности означает глобальную научную революцию» (Стёпин, 2015, с. 17). Обратное, по его мнению, не верно: не каждая научная революция приводит к изменению типа рациональности, поэтому между ними нет количественного совпадения. Так, в исходной модели выделены три типа рациональности и четыре глобальные научные

[4] Новые типы рациональности пусть и не отменяют старые, но ограничивают сферу их действия.

[5] В.Б. Губин, разбирая подобную псевдосинергетику, характеризует ее не иначе как «новый пирог для “постнеклассических” ученых» (Губин, 2003, 2006).

революции, при этом классическая рациональность охватывает первые две научные революции. Л.А. Никитич, однако, полагает, что между научными революциями и типами рациональности есть однозначное соответствие: «...исходя из того, что философия науки сегодня выделяет четыре научные революции, в соответствии с ними наиболее распространенным в научных исследованиях является признание четырех типов научной рациональности» (Никитич, 2008, с. 230)[6]. Таким образом, к трем типам рациональности, которые выделяет В.С. Стёпин, добавляется четвертый (второй по времени возникновения) – «неме-ханистическая рациональность», основанная «на принципе эволюции и развития». Важность выделения этого типа рациональности отмечает Н.С. Шадрин, который отдельно указывает, явно расходясь тут с Л.А. Никитич, что эта рациональность упускается многими авторами. Так, анализируя работы М.С. Гусельцевой, в которых смена рациональности рассматривается по схеме «тезис – антитезис – синтез», Н.С. Шадрин пишет, что при таком подходе «явно упускается из виду “рациональность, основанная на принципе эволюции и развития”» (Шадрин, 2014, с. 63).

Укажем на основные проблемы выделения типов рациональности в соответствии с научными революциями.

Во-первых, выделение четырех типов рациональности не соответствует критериям, которые предлагает сам В.С. Стёпин: для каждого нового типа нужен новый класс систем, новые научные идеалы и некоторое расширение поля рефлексии над научной деятельностью. Стёпин выделяет три типа системных объектов (простые системы, сложные саморегулирующиеся системы, сложные саморазвивающиеся системы) и три основных компонента научной деятельности (объект – средства и операции – субъект): в этом аспекте его классификация представляется вполне полной.

Во-вторых, четыре глобальные научные революции были выделены В.С. Стёпиным, как указывает он сам, в истории естествознания. Учитывая весьма драматическую историю психологии в контексте системы научного знания, не ясно, происходили ли подобные революции в психологической науке одновременно с науками естественными. До психологии, несомненно, доходили отблески молний и раскаты грома переворотов в естествознании, но необходим отдельный анализ того, совершались ли в ней самой научные революции, каковы критерии этих революций (совпадают ли они с критериями научных революций в естествознании?) и вели ли к смене «типа рациональности» (напомним, как считал Стёпин, не каждая научная революция имеет такие последствия)[7].

В-третьих, в философии науки нет консенсуса и по поводу того, сколько вообще таких научных революций происходило, поскольку для этого отсутствуют общепринятые критерии[8]. Например, П. Тагард говорит о том, что научная революция подразумевает глобальную трансформацию концептуальной (понятийной) системы, и насчитывает семь таких концептуальных революций: 1) гелиоцентрическая система Коперника; 2) ньютоновская механика; 3) теория кислорода Лавуазье; 4) теория эволюции Дарвина; 5) теория относительности Эйнштейна; 6) квантовая теория; 7) геологическая теория тектоники плит (Thagard, 1992). Должны ли

[6] Отметим, что тезис о «наибольшей распространенности» вряд ли соответствует действительности.

[7] Так, например, Т. Лихи отмечает, что, хотя историю психологии, в частности американской, часто описывают как серию революций, в действительности «революция в психологии – это миф» (Leahey, 1992, p. 316).

[8] Мы оставляем за скобками существующие в философии науки подходы, которые вообще не принимают идею «научных революций».

мы тогда говорить о семи типах рациональности? Заметим, что ни одна из этих революций не произошла в недрах психологической науки. М. Бунге, анализируя концепцию научных революций (которых он насчитывает также больше четырех), отдельно выделяет *девять* глобальных эпистемологических революций, последняя из которых, что примечательно, началась внутри физиологической психологии (Bunge, 1983). Стоит ли нам тогда выделить девять типов научной рациональности? И какие из них можно выявить в психологической науке? Отдельно отмечу: М. Бунге говорит о том, что не все часто приводимые примеры научных/эпистемологических революций действительно ими являются. Так, введение в квантовую физику рассуждений о наблюдателе, что В.С. Стёпин рассматривает в контексте третьей научной революции и неклассической рациональности, с точки зрения М. Бунге, является не чем иным, как *контр*революцией. На мой взгляд, контрреволюцией является и постнеклассическая психология.

ГУМАНИТАРНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Тесно в рамках трех *естественнонаучных* типов рациональности и Е.Ю. Патяевой (2018), которая для гуманитарного познания схему «субъект – средства – объект» заменяет схемой «субъект – средства – другой субъект». Если мы остаемся в логике подхода В.С. Стёпина, логично предположить, что в таком случае у нас возникают три дополнительных типа рациональности: «классическая гуманитарная», «неклассическая гуманитарная» и «постнеклассическая гуманитарная». Автор, однако, ограничивается добавлением к исходной модели только первой из них. Отдельно при этом анализируется «постмодернистская рациональность», представляющая, по мнению автора, «более сильную, последовательную и расширенную версию постнеклассического идеала рациональности по сравнению с той его версией, которую описывает В.С. Стёпин» (Там же, с. 176)[9].

Продуктивна ли такая модификация исходной модели? На мой взгляд, нет. Более того, она ей противоречит.

Во-первых, даже если мы согласимся с тем, что внутри гуманитарного знания происходит расширение сферы рефлексии над научной деятельностью (выше было показано, что это не так) и изменение норм и идеалов науки, остаются проблемы с первым критерием, предложенным В.С. Стёпиным (изменение системной организации изучаемых объектов).

Во-вторых, введение «гуманитарной рациональности» смещает акцент с эволюции рациональности на классические для философии науки дихотомии: «естественнонаучное знание / гуманитарное знание», «идиографический подход / номотетический подход» и пр.

В-третьих, замещение объекта в научной схеме В.С. Стёпина «другим субъектом» ставит под удар научность получаемой таким образом рациональности. В.С. Стёпин прямо указывает: «Отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам служит одним из обязательных условий научного способа познания, в том числе и социально-гуманитарного» (Стёпин, 2006, с. 143). Таким образом, гуманитарная рациональность Е.Ю. Патяевой, с точки зрения автора исходной модели, не является научной. Да, это какая-то форма знания (как формой знания являются философские эссе, художественная литература и пр.), но не наука. То сближение и даже объединение гуманитарных и естественных

[9] Я снова чувствую необходимость напомнить, что претензии постмодернизма на «научность» и «рациональность» весьма сомнительны. Так, Д.И. Дубровский (2001) указывает на деструктивный и иррациональный характер постмодернистской моды, которая охотно играет на поле мистики, размывает границы между наукой и псевдонаукой и, в целом, «стремится принизить научный способ мышления».

наук, про которое пишет В.С. Стёпин (и про которое еще раньше писал цитируемый им К. Маркс), будет просто невозможно, если в схеме научной деятельности возникает другой субъект. Как тогда итоговая единая наука будет трактовать то, что она изучает? Как субъекта? Или как объект? Очевидно, что, с точки зрения современной науки, первый вариант является абсурдным, поскольку предполагает наделение сознанием элементарные частицы, космические тела и прочие объекты научного изучения (по сути, мы бы имели дело с возвратом к анимизму). Значит, другой субъект начнет трактоваться как объект, следовательно, адекватным и научным уже *сейчас* является подход к исследуемым в психологии феноменам как к объектам. «Гуманитарная» психология – это не наука, и, вероятно, судьба психологии была бы менее драматичной, если бы на протяжении последнего столетия ненаучное знание не пытались бы насильно инкорпорировать в психологическую *науку*. К сожалению, современная постнеклассическая психология» продолжает эти попытки. По сути дела, здесь следует говорить об интеллектуальной уловке: постнеклассическая психология желает именоваться наукой и использовать авторитет этого института, но при этом утверждает, что обычные критерии научного знания к ней неприменимы. Это борьба за престиж и влияние, а не истину.

Стоит также отметить: хотя Е.Ю. Патяева пишет, что в отечественной *философии науки* представлены две концепции типов рациональности (М.К. Мамардашвили и В.С. Стёпина), которые дополняют друг друга, между ними существует важное отличие. М.К. Мамардашвили писал о классической и неклассической рациональности (и я вовсе не уверен, что его концепция вообще относится к *философии науки*), а В.С. Стёпин – о *научной* рациональности[10]. Это различие весьма существенно, если учесть, что не всякая рациональность является научной. Возможно, не случайно М.К. Мамардашвили (2010) в качестве примеров «неклассической рациональности» приводит теории З. Фрейда и К. Маркса, научный статус которых весьма сомнителен.

Учитывая вышесказанное, добавление четвертого типа «научной рациональности» представляется необоснованным. Кроме того, оно не улучшает соответствия общей схемы историческому процессу развития психологии.

ТЕЗИС – АНТИТЕЗИС – СИНТЕЗ

М.С. Гусельцева пишет, что типы рациональности являются для нее «метафорическими конструктами» и представлены в ее подходе в трех ракурсах как «(1) идеальные типы, (2) методологическая оптика, (3) инструмент анализа и систематизации знания в психологии» (Гусельцева, 2014, с. 87). Утверждается, что отношения между классикой, неклассикой и постнеклассикой строятся по принципу «тезис – антитезис – синтез», который «иллюстрирует» универсальную модель развития на основе учения В.С. Соловьёва (синкрет – дифференциация – синтез)[11]. Типы рациональности характеризуют не только «внешнюю» смену парадигм, но и «внутреннюю» динамику, при этом термины «классика», «неклассика» и «постнеклассика» используются для обозначения различия с этапами общей эволюции психологического знания («классическим», «неклассическим» и «постнеклассическим»).

Поскольку эта модель М.С. Гусельцевой уже обсуждалась на страницах журнала

[10] В.С. Стёпин в своих работах вообще редко упоминает М.К. Мамардашвили.

[11] В 2012 г. на форуме журнала «Методология и история психологии» похожую идею высказывал В.Е. Клочко: «эта триада выглядит скорее в духе триады Гегеля “тезис – антитезис – синтез”, где 4-го пока не предполагается» (URL: http://mhp-journal.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=23#p401).

«Вопросы психологии» (Гусельцева, 2013а, 2014; Фёдоров, 2014а, 2014б), позволю себе лишь тезисно воспроизвести свою критику.

Во-первых, реальное развитие психологии в целом и психологических школ в частности не укладывается в трехчленную схему «тезис – антитезис – синтез» (или «синкрет – дифференциация – синтез»). При этом даже если в отдельной парадигме и можно выделить три этапа, отношения между ними не могут интерпретироваться в рамках этой схемы (это было показано мною на примере развития бихевиоризма и ассоциативной психологии).

Во-вторых, эволюция парадигмы не обязательно подразумевает эволюцию рациональности. Поэтому когда предлагается искать «типы рациональности» внутри отдельных психологических школ («сменяющие друг друга типы рациональности характеризуют не только эволюцию парадигм, но и динамику внутри парадигм» (Гусельцева, 2013а, с. 10)), возникает весьма искаженная картина истории психологии.

В-третьих, схема «тезис – антитезис – синтез» лишает содержания концепцию развития науки посредством смены типов научной рациональности. Даже в исходной модели эти типы рациональности плохо соотносятся с реальной историей психологии, функционируя же как «метафорические конструкты», становятся вообще слабым инструментом анализа и систематизации (так происходит всегда, когда понятия с бóльшим содержанием подменяются понятиями с меньшим содержанием).

В-четвертых, будучи в подходе М.С. Гусельцевой метафорическими конструктами, типы рациональности нечетко определены и меняют свое содержание при переходе от «внешней» динамики к «внутренней». Эти характеристики делают затруднительным описание их как «идеальных типов», которые должны быть определены четко и однозначно.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Поскольку и Е.Ю. Патяева, и М.С. Гусельцева пытались в контексте теории эволюции научной рациональности интерпретировать *реальную* историю психологии, в заключение я бы хотел остановиться на двух общих для этих интерпретаций проблемах. Их суть сводится к уже выдвигаемому мной тезису, что «история науки без философии науки слепа, но не стоит брать на себя «космические обязательства» по сведению сложной истории науки к сухим и, возможно, ошибочным философским схемам» (Фёдоров, 2014а, с. 104). Приблизительно об этом пишет и В.А. Мазилов, отмечая неэффективность модели типов научной рациональности по отношению к психологии: «применение дополнительных усилий приводит к насилию над фактами, что типично для использования прокрустова ложа любой конструкции» (Мазилов, 2017, с. 31).

Первая проблема связана с намеренным упрощением психологических теорий прошлого. Например, Е.Ю. Патяева пишет о том, что в работах В. Вундта сознание «превращается в объект, лишенный активности и самопроизвольности и практически полностью аналогичный объектам (“вещам”), изучаемым естественными науками» (Патяева, 2018, с. 178). Это совершенно не так; как я уже указывал выше, отличительной особенностью теории В. Вундта является выделение в сознании активной функции (апперцепции), которую можно описать в терминах самоорганизации. Эта особенность теории В. Вундта столь отчетлива, что Т. Циген, один из его оппонентов, в предисловии к своей работе «Руководство по физиологической психологии» отдельно отмечает, что она направлена против теории В. Вундта, и отстаивает идею, что введение такой дополнительной психической способности является избыточным и все психологические феномены могут быть объяснены

без нее (Ziehen, 1891). Этот факт также демонстрирует, что никакого единомыслия «классическая рациональность», как об этом пишет М.С. Гусельцева, не предполагает. Не было такого единомыслия, как я показывал ранее, и в «классической ассоциативной психологии». Именно внутри нее возникает идея «ментальной химии», которую М.С. Гусельцева приписывает «неклассической ассоциативной психологии». О подобном упрощении пишет, например, И.П. Павлов, оппонируя гештальтистам: «Едва ли между психологами-ассоцианистами были такие, которые представляли себе мир субъективных явлений, бесконечно связывающихся меж собой явлений его, как мешок с яблоками, огурцами и картофелинами, лежащими в нем, без взаимодействия их друг на друга» (Павлов, 2001, с. 404).

Вариантом этого упрощения является игнорирование учета «классическими» психологами «субъективного» фактора. То, что исследователь влияет на объект своего изучения, – тривиальная для психолога идея. Так, Е.Ю. Патяева пишет, что «необходимым условием получения этих [классических естественнонаучных] знаний было превращение участников исследований в “наивных испытуемых”, как бы не обладающих сознанием, чтобы их собственные представления, желания и стремления никак не повлияли на результаты исследования» (Патяева, 2018, с. 179). Однако специальные усилия по такому «превращению» как раз свидетельствуют о том, что в поле рефлексии ученого находится не только объект исследования, но и средства и субъект. Иными словами, мы имеем дело с «неклассической» и даже «постнеклассической рациональностью». Это верно и для «классической» психологи В. Вундта, и для более поздних исследований. Так, С. Аш, описывая свои исследования, посвященные конформизму (отнесенные Е.Ю. Патяевой к «классическому естественнонаучному идеалу рациональности»), отдельные разделы посвящает роли экспериментатора и описанию интервью с испытуемыми, раскрывающему их отношение к эксперименту, их переживания, понимание и пр. (Asch, 1956)[12]. Е.Ю. Патяева сама приводит несколько исследований, которые можно описывать в духе как «классической», так и «неклассической» рациональности. Но тогда какой смысл во всем этом?

Вторая проблема связана с тем, что внутри психологии довольно много направлений, научность которых сомнительна. Отсюда возникает вопрос: нужно ли вообще пытаться включить их в анализ? Так, довольно часто при описании типов рациональности в психологии возникает фигура З. Фрейда, которого относят то к классической рациональности (Д.А. Леонтьев), то к неклассической (М.С. Гусельцева), то к смешанному типу (Е.Ю. Патяева). Возможно, перед попыткой определения типа рациональности З. Фрейда стоит определить, является ли его теория вообще научной. Какие эксперименты он провел? Как верифицирована его теория? Фальсифицируема ли она (если мы соглашаемся

[12] Характеристики требований, ожидания экспериментатора, стратегическое реагирование и прочие артефакты исследований давно изучаются в психологии, и это изучение не требует перехода к какому-то новому «типу рациональности». О важности их учета знают не только психологи, но и физиологи. Так, И.П. Павлов («классическая рациональность»?) подробно описывает эти факторы и то, как они учитываются (и устраняются) при изучении условных рефлексов: «Экспериментатор заключает в себе массу раздражений. Каждое его малейшее движение, дыхание, шум дыхания, движения глаз – все это влияет на наше животное и осложняет те явления, которые мы изучаем. Поэтому пришлось вывести экспериментатора за дверь и исключить, хотя и не вполне, его действие на животное. Но и это в обычных лабораториях оказалось недостаточным» (Павлов, 1927, с. 37). Если *честный* ученый может сделать так, чтобы устранить побочные факторы, влияющие на эксперимент, он это делает, вне зависимости от типа своей «рациональности». Если такое устранение невозможно, честно скажет о том, как они могли повлиять на ход исследования.

с критерием К. Поппера)? Не использовал ли он типичные стратегии псевдоученых? И пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, описание развития психологической науки в рамках эволюции «типов рациональности» сталкивается со множеством проблем. Один из вариантов их решения предлагает В.А. Мазилов: психологи должны продолжать исследования в этом направлении, опираясь на историко-психологические данные, выявляя исторически возникающие типы рациональности и разрабатывая философию психологии как часть психологии (Мазилов, 2017).

Я, однако, всецело поддерживая необходимость разработки философии психологии (но которую я вижу частью философии науки, а не частью психологии) и призыв к философам науки обратить внимание на психологию (но не чтобы выявить ее своеобразие, а чтобы помочь психологам преодолеть *иллюзию* своеобразия), полагаю, что идея типов рациональности и их эволюции вообще плохо подходит для описания развития науки. Наука развивается, но что объясняет обращение к типам рациональности? Не представляют ли они собой просто объяснительную фикцию?

Кроме того, и в исходную модель В.С. Стёпина, и в триаду «тезис – антитезис – синтез» включена идея «конца истории»: с наступлением третьего этапа прогресс в развитии рациональности прекращается. Постнеклассическая наука (в частности, постнеклассическая психология) есть и вершина, и конец. В.Е. Клочко пишет об этом открыто: «пока невозможно представить вид организации более сложный, чем самоорганизация, присущая, видимо, всему космическому универсуму, необходимой частью которого является человек. Сложно говорить об отдаленном будущем, но совершенно невозможно прогнозировать появление каких-либо “постпостнеклассических” идей в ближайшем будущем» (Клочко, 2008, с. 170). Возможно, постнеклассическая психология и является концом психологии, но не в смысле достижения вершины развития, а в смысле ее смерти как науки.

Проведенный анализ показывает, что постнеклассическая психология не может опереться на идею эволюции научной рациональности и на этом основании считать себя вершиной психологической науки, синтезирующей и ограничивающей все, что было до нее. В своей основе это не эволюционный, а контрреволюционный проект, возвращающий психологию в объятия идеалистической философии. В итоге к ней применим жесткий отзыв И.П. Павлова о гештальтистской психологии: «то, что старо, – истинно, а то, что ново, никуда не годится» (Павлов, 2001, с. 404). Возможно, тут сто́ит сказать и жестче: то, что в ней старо, – ложно, а то, что ново, никуда не годится.

1. *Вундт В.* Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896.
2. *Губин В.Б.* Синергетика как новый пирог для «постнеклассических» ученых, или отзыв на автореферат докторской диссертации // Философские науки. 2003. № 2. С. 121–155.
3. *Губин В.Б.* Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки. 2006. № 1. С. 110–119.
4. *Гусельцева М.С.* Ловушки редукции, или О разнообразии интеллектуальных стилей как предпосылках интерпретации // Вопр. психол. 2014. № 2. С. 81–92.
5. *Гусельцева М.С.* Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // Вопр. психол. 2013а. № 4. С. 3–15.
6. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013б. 365 с.
7. *Дубровский Д.И.* Постмодернистская мода // Вопр. филос. 2001. № 8. С. 42–55.
8. *Зинченко Ю.П.* Становление постнеклассического проекта в психологии // Философские науки. 2014. № 12. С. 26–40.
9. *Клочко В.Е.* Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 165–178.

10. *Мазилов В.А.* Психология и исторические типы рациональности (к вопросу о взаимоотношении психологии и философии науки) // Ярославский психол. вестн. 2017. № 37. С. 27–31.
11. *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Азбука-классика, 2010. 288 с.
12. *Никитич Л.А.* История и философия науки. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
13. *Павлов И.П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927.
14. *Павлов И.П.* Критика идеалистических концепций Келера // Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. С. 403–408.
15. *Патяева Е.Ю.* Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. С. 160–193.
16. *Смит Д.* Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд. М.: Альпина нонфикшн, 2011.
17. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.
18. *Стёпин В.С.* Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.
19. *Стёпин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
20. *Тимошина Е.В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / Под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 218–294.
21. *Фёдоров А.А.* Об иррелевантности истории психологии и философии науки (комментарий к статье М.С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания») // Вопр. психол. 2014а. № 1. С. 98–105.
22. *Фёдоров А.А.* Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопр. психол. 2014б. № 4. С. 83–93.
23. *Фёдоров А.А.* Библиометрический анализ публикаций по постнеклассической психологии в Scopus // Reflexio. 2018a. Т. 11. № 1. С. 37–46.
24. *Фёдоров А.А.* Основания психологической системы Г. Мюнстерберга в контексте основных критериев постнеклассической науки // Вестн. Новосибирского гос. пед. ун-та. 2018b. № 3. С. 52–65.
25. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
26. *Шадрин Н.С.* Потерянный и возвращенный мир: об отчуждении личности и путях его преодоления. Омск: ОмГТУ, 2014. 124 с.
27. *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 2002. 532 с.
28. *Asch S.E.* Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority // Psychol. Monographs: General and Applied. 1956. V. 70. N 9. P. 1–70.
29. *Bunge M.* Treatise on basic philosophy. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co, 1983. V. 6: Epistemology & Methodology II: Understanding the world.
30. *Fahrenberg J.* Zur Kategorienlehre der Psychologie. 2013. URL: http://www.jochen-fahrenberg.de/uploads/media/Zur_Kategorienlehre_der_Psychologie_2013_01.pdf
31. *Leahey T.H.* The mythical revolutions of American psychology // Amer. Psychol. 1992. V. 47. N 2. P. 308–318.
32. *Münsterberg H.* Psychology and life. Boston; N.Y.: Houghton, Mifflin & Co., 1899. 286 p.
33. *Schultz D.P., Schultz S.E.* A history of modern psychology. Boston: Cengage Learning, 2015. 448 p.
34. *Sheehan J., Wahrman D.* Invisible hands: Self-organization and the Eighteenth century. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2015. 394 p.
35. *Thagard P.* Conceptual revolutions. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.
36. *Ziehen T.* Leitfaden der physiologischen Psychologie. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1891.

References in Russian:

1. *Wundt W.* Ocherk psikhologii [An introduction to psychology]. SPb.: Izdanie F. Pavlenkova, 1896.
2. *Gubin V.B.* Sinergetika kak novyi pirog dlia «post-neklassicheskikh» uchenykh, ili otzyv na avtoreferat doktorskoi dissertatsii [Synergetics as a new pie for "post-nonclassical" scientists, or a review on the author's abstract of the doctoral dissertation] // Filosofskie nauki. 2003. N 2. S. 121–155.
3. *Gubin V.B.* Psevdosinergetika – noveishaia lzhenauka [Pseudosynergetics – the newest pseudoscience] // V zashchitu nauki. 2006. N 1. S. 110–119.
4. *Guseltseva M.S.* Lovushki reduktsii, ili o raznoobrazii intellektual'nykh stilei kak predposylkakh interpretatsii [Reduction catches or on diversity of intellectual styles as a precondition of interpretation] // Voprosy psikhologii. 2014. N 2. S. 81–92.
5. *Guseltseva M.S.* Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia [The types of rationality as a basis for psychological knowledge periodization] // Voprosy psikhologii. 2013b. N 4. S. 3–15.

6. *Guseltseva M.S.* Evoliutsiia psikhologicheskogo znaniia v smene tipov ratsional'nosti: istoriko-metodologicheskoe issledovanie [Evolution of psychological knowledge in the change of types of rationality: historical and methodological research]. M.: Akropol', 2013a. 365 s.
7. *Dubrovskii D.I.* Postmodernistskaia moda [Postmodern fashion] // Voprosy filosofii. 2001. N 8. S. 42–55.
8. *Zinchenko Iu.P.* Stanovlenie postneklassicheskogo proekta v psikhologii [Development of the postnonclassical project in psychology] // Filosofskie nauki. 2014. N 12. S. 26–40.
9. *Klochko V.E.* Postneklassicheskaia nauka i problema ob"iasneniia v psikhologii [Post-non-classical science and problem of explanation in psychology] // Metodologiia i istoriia psikhologii. 2008. T. 3. N 1. S. 165–178.
10. *Mazilov V.A.* Psikhologiia i istoricheskie tipy ratsional'nosti (k voprosu o vzaimootnoshenii psikhologii i filosofii nauki) [Psychology and the historical types of rationality (to the question of the relationship between psychology and the philosophy of science)] // Iaroslavskii Psikhologicheskii Vestnik. 2017. N 37. S. 27–31.
11. *Mamardashvili M.K.* Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti [Classical and non-classical ideals of rationality]. M.: Azbuka-klassika, 2010. 288 s.
12. *Nikitich L.A.* Istoriia i filosofiia nauki [History and philosophy of science]. M.: IUNITI-DANA, 2008.
13. *Pavlov I.P.* Lektsii o rabote bol'shikh polusharii golovnogo mozga [Lectures on the work of the cerebral hemispheres.]. M.; L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1927.
14. *Pavlov I.P.* Kritika idealisticheskikh kontseptsii Kelera [Criticism of Kohler's idealistic concepts] // Refleks svobody. SPb.: Piter, 2001. S. 403–408.
15. *Patiaeva E.Iu.* Klassicheskoe, neklassicheskoe i postneklassicheskoe znanie v sovremennoi psikhologii [Classical, nonclassical and post-non-classical knowledge in modern psychology] // Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia / Pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Iurevicha. M.: Institut psikhologii RAN, 2018. S. 160–193.
16. *Smith D.* Psevdonauka i paranormal'nye iavleniia. Kriticheskii vzgliad [Pseudoscience and Extraordinary Claims of the Paranormal: A Critical Thinker's Toolkit]. M.: Al'pina non-fikshn, 2011.
17. *Sokal A., Brikmont J.* Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna [Intellectual Impostures: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science]. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2002. 248 s.
18. *Stepin V.S.* Filosofiia nauki. Obshchie problem [Philosophy of Science. General problems]. M.: Gardariki, 2006. 384 s.
19. *Stepin V.S.* Istoricheskie tipy nauchnoi ratsional'nosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti [Historical types of scientific rationality: issues of demarcation and succession] // Filosofiia, metodologiia i istoriia nauki. 2015. N 1. S. 6–27.
20. *Timoshina E.V.* Klassicheskoe i postklassicheskoe pravoponimanie kak stili filosofsko-pravovogo myshleniia [Classical and postclassical legal understanding as styles of philosophical and legal thinking] // Postklassicheskaia ontologiia prava: monografiia / pod red. I. L. Chestnova. SPb.: Aleteiia, 2016. S. 218–294.
21. *Fedorov A.A.* Ob irrelevantnosti istorii psikhologii i filosofii nauki (kommentarii k stat'e M.S. Gusel'tsevoi «Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia») [On irrelevance of history of psychology and philosophy of science (a commentary on M.S. Guseltseva's article Types of rationality as the basis for periodizing psychological knowledge)] // Voprosy psikhologii. 2014a. N 1. S. 98–105.
22. *Fedorov A.A.* Ulovki intellektual'noi ekvilibristiki [Tricks of intellectual speculations] // Voprosy psikhologii. 2014b. N 4. S. 83–93.
23. Fedorov A.A. Bibliometricheskii analiz publikatsii po postneklassicheskoi psikhologii v Scopus [Bibliometric analysis of publications on post-nonclassical psychology in Scopus] // Reflexio. 2018a. T. 11. N 1. S. 37–46.
24. *Fedorov A.A.* Osnovaniia psikhologicheskoi sistemy G. Miunsterberga v kontekste osnovnykh kriteriev postneklassicheskoi nauki [The foundations of H. Münsterberg's psychological system in the context of main criteria of postnonclassical science] // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2018b. N 3. S. 52–65.
25. *Habermas J.* Filosofskii diskurs o modern [The Philosophical Discourse of Modernity]. M.: Ves' Mir, 2003. 416 s.
26. *Shadrin N.S.* Poteriannyi i vozvrashchennyi mir: ob otchuzhdenii lichnosti i putiakh ego preodoleniia [The lost and returned world: the alienation of the individual and ways to overcome it]. Omsk: OmGTU, 2014. 124 s.
27. *Schultz D.P., Schultz S.E.* Istoriia sovremennoi psikhologii [A history of modern psychology]. SPb.: Evraziia, 2002. 532 s.

Поступила в редакцию 29. VIII 2018 г.